

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
МЫ ИЗ РОССИЙСКОЙ
ПОЛИЦИИ

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Черные хирурги
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=624665
Черные хирурги: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49159-9

Аннотация

«Те, кто считает, что работа уголовного розыска заключается только в погонях, перестрелках, распутывании хитросплетений уголовных дел, умно и коварно построенных допросах, в результате которых преступник, понурившись, начинает «колоться», сильно ошибаются. Оперативная работа – это прежде всего очень много бумаг. Ходят поговорки, что сыщика ноги кормят; начальство же считает, что сыщик обязан работать прежде всего головой. Но большую часть времени сыщик работает руками. Точнее, рукой. Писанина, писанина, писанина... По поводу каждого шага, по поводу отсутствия шагов, планы мероприятий, планы работы по конкретному делу, по конкретному этапу – рапорта, рапорта и снова рапорта. А еще опросы свидетелей, подозреваемых,

поквартирные обходы, участие со следователем в следственных мероприятиях...».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	50
Глава 4	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Алексей Макеев, Николай Леонов Черные хирурги

Глава 1

Летнее воскресное утро било в глаза ярким радостным солнцем. Оно отражалось от ленты асфальта, от стекол встречных машин. Тихо жужжавший кондиционер гнал прохладу в салон, а из динамиков задорно препирались утренние ведущие «Авторадио». От всего этого беззаботного набора ощущений, да еще сознания того, что дома накрыт праздничный стол – творение рук его, Льва Ивановича Гурова, – настроение было почти ребяческое.

Гуров не любил, когда Маши не было дома. Его работа – работа старшего оперуполномоченного по особо важным делам МУРа – заставляла пропадать вне дома почти сутками, с редкими полноценными выходными и разорванными на части отпусками. Но даже на работе Гуров с удовольствием сознавал, что в получасе езды на машине у него есть дом, уютный и надежный тыл, в котором можно отгородиться от всего мира. Что там есть Маша, с ее улыбкой, теплыми руками. Есть любимое кресло, есть кухня и стол под большим ро-

зовым абажуром. И в какое бы время кто из них ни вернулся домой, под этим абажуром они обязательно выпьют перед сном чашечку чая с лимоном, перебросятся ничего не значащими фразами, просто поглядят друг другу в глаза, чтобы убедиться, что на душе каждого спокойно.

Иногда Гуров делал сюрпризы. Точнее, они с женой играли в сюрпризы, потому что каждый из них ждал, когда представится такая возможность. Совершенно «неожиданно» после спектакля в театре в гримерку к Марии Строевой вваливался Гуров с букетом цветов. Коллеги по театру с завистью улыбались, расшаркивались с «настоящим полковником», который умеет так галантно ухаживать за собственной женой. Гуров обнимал Машу за плечи, нежно брал ее руку в свою, подносил к губам. Потом он пристраивался у стены и слушал, как Маша, удаляя с лица грим, щебетала о спектакле, о маленьких казусах и актерских находках. Они выходили, садились в машину и ехали домой.

Но это было редко, один-два раза в месяц. Чаше Гуров заявлялся домой далеко за полночь. Но иногда, особенно в летний период, труппа театра выезжала на гастроли. И тогда дом пустел на месяц, на два... А сегодня Маша просто удрала. Нет, конечно же, с разрешения администрации. Сегодня заканчивались гастроли труппы в Саратове, сегодня вечером давался последний спектакль в помещении Театра драмы. И только завтра вся труппа вечером отбывала в Москву на поезде. Но у Маши сегодня день рождения, поэтому ее роль

сыграет в спектакле подруга, а сама она самолетом рванула домой.

Сейчас Гуров встретит ее в Быкове. Всю дорогу Маша будет захлеб рассказывать о городе, о гастролях. Потом они приедут домой, и она увидит красивый стол с огромным букетом. Она с восторгом чмокнет Гурова в выбритую душистую щеку и кинется в ванную. Через полчаса выйдет посвежевшая, с мокрыми волосами. Они усядутся за стол и поднимут по рюмке ледяной водочки. Обязательно водочки, потому что после неполноценной ночи сборов и перелета на «Як-42» «с устатку» ничего нет лучше. Потом Гуров с загадочным видом достанет сафьяновую коробочку с заветным кулоном...

Потом, после всех этих приятных церемоний, Маша завалится на диван под плед. Гуров посмотрит телевизор, вздремнет в кресле. Потом они будут долго потягиваться, со вкусом пообедают и начнут собираться в ресторан на уже полноценное торжество. С друзьями, коллегами, тостами и шампанским.

Гуров заметил, что непроизвольно начал улыбаться. Он коротко глянул в зеркало заднего вида и подмигнул себе.

* * *

Мария Строева вышла из самолета с одной лишь сумочкой. Ее чемодан завтра приедет поездом, поэтому тащиться

сейчас со всеми вещами не стоило. Да и время терять на получение багажа не хотелось. Завтра вечером Лева спокойно сгоняет на Павелецкий и заберет ее вещи. «Наконец я дома, – с облегчением подумала Мария. – Осталось всего лишь доехать от самолета на поданном автобусе до здания аэровокзала, а там знакомое лицо мужа, машина... Короче, дома!»

Три часа сна, сумбурные сборы, короткий, но утомительный перелет – все это не способствовало тому, чтобы женщина оставалась довольной своим внешним видом. А тут еще в самолете какая-то пара не сводила с Марии глаз, делая различные знаки и подмигивая. Уже в здании аэровокзала эта пара настигла-таки актрису Строеву. Холеный высокий мужчина лет сорока с небольшим, его худощавая спутница, будто сошедшая с обложки глянцевого журнала, преградили Марии дорогу.

– Вы же Строева, да? – с довольным видом не столько в форме вопроса, сколько в форме утверждения произнес мужчина. – Милочка, вы не представляете, как мы вас почитаем!

– Давайте с вами сфотографируемся, – почти приказала ухоженная дамочка. – Такая удача, что мы вас встретили живьем, а то все на сцене и на сцене...

Марию передернуло от абсолютно идиотской обывательской формулировки «живьем». И это из уст дамы, которая внешним видом вполне могла «тянуть» на первую леди страны.

– Простите, – начала устало Мария, пытаясь боком обойти назойливых поклонников, – я очень устала и спешу...

– Да перестаньте вы, – брезгливо одернул театральную диву мужчина, – какие все занятые. Только сфотографируемся на память.

Мария собралась уже ответить резкостью, поставить нахальную пару на место и двинуться к выходу, как дорогу ей закрыли две широченные груди в темных костюмах. Она подняла голову. Профессиональная принадлежность двоих здоровяков с квадратными челюстями и строгими глазами не вызвала сомнений. Охранники. Вот ведь угораздило столкнуться с высокопоставленными развязными личностями! Хозяева жизни, они же слуги народа.

– Пройдите в сторонку, вон туда, к стене, – сухо потребовал один из мордатых. – Сфотографируетесь и пойдете по своим делам.

Слова «по своим делам» были произнесены таким уничижительным тоном, что сразу стало ясно, что это злая ирония. Какие еще «дела» могут быть у плебеев, пусть даже и известных? Актеришки, лицедеи... Вот у их хозяина – да, там действительно дела.

Мария моментально разозлилась. Стиснув зубы, она двинула локтем в бок одного типа в черном, толкнула кулачком в грудь второго. Но с таким же успехом можно было дубасить и кирпичную стену. Привередливую актрису аккуратно, но жестко взяли под руки и, почти подняв над землей, перестав-

вили к стене. Холеный по-хозяйски взял Марию под руку и, позируя, склонил к ней голову. Его спутница нацелила камеру мобильного телефона.

– Да не хочу я с вами фотографироваться! – взорвалась Мария и вырвала руку.

Здоровяки в черном шагнули к ней с брезгливым нетерпением на лицах, в этот момент один из них от сильного толчка отшатнулся в сторону, налетев на даму с телефоном. Дама вскрикнула и выронила аппарат: здоровяк всей своей сотней килограммов тренированных мышц наступил ей на ногу. И тут Мария увидела разъяренное лицо мужа. Букет цветов в своей руке он держал, стиснув побелевшими пальцами, как булаву.

Гуров понял, что опаздывает, когда уткнулся в бампер последней машины еле ползущего потока. Минут через тридцать выяснилась и причина этой пробки. Две аварии, в результате которых оказались перекрыты все полосы попутного направления. Третья, перед самым поворотом к аэропорту, доконала его окончательно. Гуров выругался, вывернул руль и по сплошной разделительной полосе бросил машину вперед, прямо к потному капитану с полосатым жезлом. Сунув в приоткрытое окно служебное удостоверение, он открыл было рот, но капитан, привычно вычленив взглядом из текста удостоверения «полковник милиции» и «Московский уголовный розыск», тут же махнул жезлом. Приостановив встречное движение, он подал знак, и Гуров вдавил пе-

даль газа до пола.

Лев не любил «козырять» своим удостоверением, это было не в его характере. Но иногда, когда он остро осознавал, что есть люди, стоящие выше закона, пренебрегающие им, причем только по причине своего служебного положения и большого количества денег, он смело перешагивал через свои убеждения. Вот и сейчас Гуров хорошо видел, что не на парковке перед аэровокзалом, а прямо у бордюра стоит множество машин, номера которых не имеют абсолютно никакого отношения к оперативным городским службам и не относятся к автопарку правительства страны или хотя бы Москвы. Коммерсанты, «бомбилы», прикормившие местную милицию... А он, полковник, опаздывает. Да пошли вы все!

Гуров свернул под знак и снова сунул в окно удостоверение. Лейтенантик козырнул и махнул жезлом – проезжайте. Гуров приткнул машину около входа, схватил цветы с переднего сиденья и рысью бросился в здание. Неприятный осадок быстро улетучивался от предвкушения встречи с женой.

Однако неприятности для полковника Гурова в это утро не закончились. У выхода на летное поле быстро пробежал глазами по головам пассажиров, провожающих и встречающих. Неопрятная сцена слева, где двое коренастых парней с характерной внешностью бультерьеров кого-то умирляли или пытались усмирить, сразу привлекла его внимание. Оперативников, своих ли, фээсбэшных ли, по их действиям он мог отличить от типичных охранников почти мгновенно. На-

выки у них другие.

И тут Гуров увидел покрасневшее от раздражения лицо Маши. Лев, растолкав плечами встречающих, рванул туда, где какие-то типы зачем-то остановили его жену и еще держат ее руками. Уже подбегая к группе, он стал догадываться, что недоразумением ситуацию назвать нельзя. Холеный мужчина в дорогом костюме самодовольно лыбился и держал вырывающуюся Машу под руку, какая-то дамочка целилась камерой мобильного, а две широких спины обеспечивали безопасность всего этого безобразного мероприятия.

Гуров отпихнул плечом одного охранника и мгновенно оказался в центре круга. Он не успел раскрыть рта, как краем глаза уловил ленивое движение руки второго охранника в свою сторону. Не раздумывая, Гуров с разворота швырнул ему в лицо букет, обнял за плечи перепуганную жену и повернулся ко всей компании.

– Какого черта тут происходит? – рявкнул он, меряя ненавидящим взглядом всю оторопевшую четверку.

– Слышь, мужик, – надвинулся было на него здоровяк, смахивая остатки букета со своей груди и плеча.

– Стоять! – рыкнул Гуров. Он повернулся к холеному: – В чем дело? Это моя жена!

– Да ни в чем, – поморщился холеный, небрежным движением останавливая своих «цепных псов». – Что вы тут скачете? Просто хотели сфотографироваться с известной актрисой.

– Против ее воли, – зло добавил Гуров.

Холеный не удостоил взглядом невесть откуда взявшего-ся «простого гражданина», который испортил ему и его жене удовольствие. Не общаться же с ним. Он повернулся к своей спутнице, которая в коротких нецензурных выражениях высказала свое отношение к неуклюжему охраннику, взял ее под руку и повел в сторону выхода.

Гуров, провожая процессию взглядом, почувствовал, что Маша под его рукой наконец расслабилась. Она устало положила ему голову на плечо и вздохнула:

– Ну, вот я и дома.

– Да уж, – хмыкнул Гуров, остывая. – Ладно, пошли отсюда, а то вон, кажется, уборщица милицию ведет. А я тут намусорил.

– А чего это ты его цветами-то по морде? – рассмеялась Маша, беря мужа под руку. – Я думала, удостоверение выдержишь. Как там у вас принято – всем стоять, милиция!

– А я сейчас был не милиция; я был рыцарь, бросившийся спасать свою даму сердца, – начал веселиться Гуров, подумав, как это могло выглядеть со стороны. – Я был дикий разъяренный самец, который... э-э, увидел, что покушаются... ну, на его...

– Спасибо, господин полковник, – укоризненно заявила Маша, – вы только что пытались назвать даму сердца самкой!

– Виноват-с, мадам, – боднул головой Гуров, пытаясь щелкнуть каблуками на ходу. – Вы меня не так поняли, ма-

дам. А цветы я швырнул за неимением перчатки, однако вызов не был принят, мадам.

– Вы прощены, полковник, – сделала Мария изящный театральный жест рукой. – Где наш экипаж?

– Экипаж у входа, мадам, – величественно ответил Гуров.

Настроение у Льва Ивановича снова стало подниматься. «Интересно, – подумал он, – а почему я, в самом деле, швырнул в морду охраннику букет? Кажется, чтобы выплеснуть презрение к этим... короче, к этим».

* * *

И в еще одном сложном деле можно было поставить точку. И побег из Иркутской зоны Грибника, и шантаж крупного ресторатора из Подмосковья, и угоны дорогих машин – все связалось в одной хитроумной схеме. Правда, не обошлось без стрельбы, но омоновцы оказались на высоте.

Гуров поискал взглядом носилки на колесиках, на которых Крячко повезли к машине «Скорой помощи». Как его все время тянет самого влезть в эти дела! Есть на это специальные подразделения – так нет же, Стасу обязательно надо убедиться, что сделано все, чтобы взять главного фигуранта живьем. Ковбой! Хорошо, что пулю получил в ногу, не в другое место.

– Как дела, герой? – спросил Гуров, подойдя к машине и глядя, как Крячко загружают в недра «Скорой».

– Есть один неприятный момент, – поморщился Стас.

– Что такое? – насторожился Гуров.

– Видишь ли, – заговорщицки зашептал Крячко, приподнявшись на одном локте, – лежать при даме со спущенными штанами не есть «комильфо».

– Тьфу! – сплюнул Гуров, покосившись на молоденькую врачиху «Скорой». – Позер ты, Стас. И здесь лежишь по этой же причине.

– Не романтик ты, Лева, – махнул рукой Крячко с выражением безнадежности на лице.

– Ты, романтик, подтяни штаны! Дамы вокруг.

– Мне нельзя, я раненый.

– Ладно, раненый, лечись давай, завтра навещу, – пообещал Гуров, увидев, что врач намерена прекратить пикировку пациента с товарищем и закрыть дверь машины.

Те, кто считает, что работа уголовного розыска заключается только в погонях, перестрелках, распутывании хитросплетений уголовных дел, умно и коварно построенных допросах, в результате которых преступник, понутившись, начинает «колоться», сильно ошибаются. Оперативная работа – это прежде всего очень много бумаг. Ходят поговорки, что сыщика ноги кормят; начальство же считает, что сыщик обязан работать прежде всего головой. Но бóльшую часть времени сыщик работает руками. Точнее, рукой. Писанина, писанина, писанина... По поводу каждого шага, по поводу отсутствия шагов, планы мероприятий, планы работы по кон-

кретному делу, по конкретному этапу – рапорта, рапорта и снова рапорта. А еще опросы свидетелей, подозреваемых, поквартирные обходы, участие со следователем в следственных мероприятиях...

«Не романтик ты, Лева», – вспомнил Лев слова Крячко. Между прочим, ему, Гурову, сейчас придется отписываться еще и по поводу ранения своего напарника во время задержания. Как и почему, в силу какой такой необходимости полковник Крячко оказался в зоне перестрелки, каким макаром его туда занесло, когда задержание осуществляло подразделение ОМОНа? То, что Крячко дотошный человек, привыкший не оставлять без своего внимания ни одного мало-мальски важного шага по делу, в рапорте не напишешь. Как не напишешь и того, что бойцы ОМОНа, дай бог им здоровья, не особенно церемонятся, когда в них стреляют. А оперу нужен целый и здоровый клиент, а не прошитый пулями и умирающий в палате или машине «Скорой». И не со сломанной в трех местах рукой. Его ведь, как правило, срочно «колоть» надо, работать с ним, а не лечить.

Гуров плотно прикрыл окно и развернул жалюзи, чтобы солнце не лупило прямо в рабочий стол. Включив кондиционер, он занялся сочинением рапорта по поводу сегодняшней операции. Когда работа была в самом разгаре и сложились наиболее удачные формулировки, раздался телефонный звонок.

– Гуров, слушаю, – немного недовольно буркнул сыщик

в трубку.

– Чем занят, Лев Иванович? – вместо приветствия спросил непосредственный начальник генерал Орлов.

Гуров шевельнул бровью, но отвечать не стал. По тону генерала он понял, что вопрос чисто риторический.

– Слушай... – Орлов чуть помедлил. – Тут такое дело. Тебе нужно до семнадцати прибыть в главк.

– По-сегодняшнему? – нахмурился Гуров, не ожидая ничего хорошего от вызова в Главное управление уголовного розыска МВД России после проведенной операции. – Интересы пересеклись или информацией попросят поделиться?

– Нет, – не вдаваясь в подробности, возразил Орлов. – Прибудешь к Грибенникову, он тебя и просветит.

– Кто это? Зам?

– Зам. Ты давай не затягивай до самого вечера. Вернешься – доложишь. Как там Стас?

– Нормально.

– Как это не вовремя, – проворчал Орлов.

– А бывают ранения вовремя? – ехидно переспросил Гуров, хотя и начал понимать недовольство начальника.

– Не лови на слове, ты ведь...

– Ладно, я все понял, – перебил сыщик генерала.

Не понять было трудно. Если тебя вызывают в главк, а начальник делает вид, что не знает зачем, но выражает сожаление, что ты временно остался без напарника, то это может означать только какое-то поручение сверху. Точнее, но-

вое дело. Да еще такое, что другого напарника тебе не дадут, не прикомандируют. Потому что тут нужен опытный «важняк» и никакой утечки информации быть не должно. Это означает, что вопрос щепетильный, конфиденциальный и так далее. «Человечество придумало столько формулировок, – усмехнулся про себя Гуров, – что возникает ощущение, будто оно стесняется называть подобные ситуации своими именами».

Закончив рапорта, Гуров спокойно и со вкусом пообедал, полагая, что на сытый желудок самые неприятные явления кажутся более или менее приемлемыми. Заперев дверь, он снял свою гражданскую одежду, достал из шкафа форменные ботинки, брюки и рубашку. Напялил на голову фуражку и с неудовольствием посмотрелся в зеркало на внутренней стороне дверцы. Современные офицерские фуражки с непомерно высокой и громоздкой тульей ему не нравились. Тем не менее в министерство полагалось являться в форме.

* * *

В приемной, из которой двери вели в кабинеты двух заместителей, Гуров появился ровно в четыре часа. Две девицы самого юного возраста, который никак не подходил, на взгляд сыщика, для такой приемной, о чем-то оживленно шептались. Судя по тому, как одна из них деловито вскинулась навстречу полковнику, а вторая лишь напряженно вы-

пучила глаза, одна из девиц была секретаршей, а вторая стажером.

– Вас просили подождать, – изобразила вежливость на лице секретарша, положив трубку внутреннего телефона.

Гуров кивнул, повесил фуражку на вешалку и уселся у стены. «Начинается, – подумал он с неудовольствием. – Великие начальники постоянно заняты важнейшими делами, а мы все бездельники. А мне, между прочим, половину ночи задержанных потрошить. Неплохо бы и подготовиться».

Через полчаса Гуров начал нервничать, через час – откровенно злиться. Его подмывало дождаться ровно пяти, плюнуть на все и объявить секретарше, что его просили прибыть до семнадцати, а коль скоро уже семнадцать ноль пять, то он отбывает. Но как раз ровно в ноль пять на столе секретарши пискнул телефон. Девушка подняла трубку, выслушала и подняла глаза на Гурова:

– Проходите, товарищ полковник.

Сыщик вздохнул глубоко, чуть задержал дыхание и выдохнул. Следовало унять раздражение, чтобы не выглядеть слишком развязно в кабинете генерала. Черт его знает, зачем его сюда вызвали.

Оказывается, генерала Грибенникова Гуров знал в лицо. В последний раз он видел его на коллегии министерства, а до этого... до этого, кажется, на месте происхождения, когда Гуров дежурил по городу. Да, точно, тогда расстреляли машину одного известного авторитета. Гурову врезались в па-

мать постоянно сведенные к переносице брови и чуть прищуренный левый глаз.

– Проходите, Лев Иванович, – предложил генерал негромким голосом, бросив на полковника короткий взгляд с неизменным прищуром.

Грибенников сидел вполоборота в распахнутом кителе и держал около уха телефонную трубку. Видимо, ждал, когда ему на том конце ответят.

– За то, что заставил ждать в приемной, не извиняюсь, потому что как раз ждал информации по данному делу. Не хочу грузить вас лишней оперативной информацией.

– По делу? – сухо спросил Гуров, полагая, что генерал все же должен был из приличия извиниться.

– Конечно, по делу, – удивленно шевельнул бровью генерал. – Не о здоровье же жены Орлова я вас пригласил побеседовать.

Первая информация поступила. Слово «пригласил» в данном контексте звучало неприятно. Для того чтобы поручить какое-нибудь дело, не приглашают, а вызывают. Если пригласили, то речь пойдет не о поручении или приказе, а о просьбе. Правда, отказывать в таких просьбах не принято. Либо нужно делиться информацией, либо что-то выполнять. В обоих случаях ничего приятного. В подтверждение этого умозаключения прозвучала саркастическая шутка по поводу здоровья жены Орлова. Значит, нужен не просто опытный оперативник, но и еще из близких Орлову – как гарантия

соблюдения конфиденциальности, да и вообще выполнения просьбы. Ох, как не любил Гуров эти придворные делишки, которые касались высокопоставленных особ, где нельзя было переходить определенные грани, отличавшие этих особ от обычных граждан...

Грибенников снова прищурил свой глаз – очевидно, в телефонной трубке наконец заговорили. Он что-то выслушал, чуть покусывая губу.

– Хорошо, выполняйте, – наконец приказал генерал в трубку. – В случае эксцессов сообщать немедленно. Доклад через каждые два часа.

Положив трубку на аппарат, генерал развернулся к Гурову всем корпусом, сложил кисти рук перед собой и сжал их в замок. От внимания сыщика этот нюанс не ускользнул – что-то генерал не совсем в своей тарелке.

– Ну, что же, – сказал Грибенников, глядя перед собой в крышку стола. – Теперь ваш выход. Дело, ради которого я вас пригласил, не совсем обычное. Именно поэтому я и попросил Орлова направить ко мне самого грамотного и опытного оперативника.

Генерал замолчал, подбирая слова. Гуров начал терять терпение. С такими прелюдиями в давние времена земские врачи объявляли чопорным графиням, что их дочь беременна.

– Давайте сразу к делу, товарищ генерал! – твердо предложил Гуров. – В целях экономии времени.

К его большому изумлению, Грибенников не поставил на место развязного полковника из МУРа словами, что он сам решит, как и когда ему переходить к делу. Генерал задумчиво глянул на сыщика и кивнул.

– Пожалуй. Только спешить-то нам уже особенно некуда, потому что беда уже случилась. И не одна. Итак, вам, Лев Иванович, предстоит чистейшей воды оперативная разработка. В интересах дела заявления пострадавшей стороны пока не существует ни в каком виде. Нигде. Считайте, что есть только оперативная информация о совершенном преступлении.

– Очень высокое лицо?

– Да неважно это, Лев Иванович! – поморщился генерал. – Любой гражданин имеет право на защиту своих интересов, своей жизни и собственности. Хотя я понял намек. Да, лицо слишком заметное, чтобы можно было проколоться и засветить интерес, проявленный милицией. К тому же пострадавшему угрожают.

– Ох, уж мне эта политика, – покачал головой Гуров. – То говорим, что перед законом все равны, то начинаем нянчиться с каждым индивидуумом, мало-мальски облеченным властью...

– Не любите их, Лев Иванович? – усмехнулся генерал. – Тогда включите здравый смысл. В нашем государстве близость к тому или иному властью имущему всегда связана с определенной материальной отдачей. Все, кто сидит ниже

моего кабинета, и половина тех, кто сидит на одном со мной уровне, – это люди, которые непосредственно заняты исполнением милицейского долга. А мизерная часть руководителей занята совсем другим. Это административная работа, в которой превалирующее место занимают связи, взаимоотношения, внутривнутриполитические процессы. Наше ведомство, как и многие другие, нуждается в определенном бюджете, в финансировании неких проектов, соблюдении планов модернизации, в конечном итоге – в развитии. Но это не означает, что предписанное и подписанное в начале финансового года будет соблюдено в точности.

– Как правило, наоборот?

– Как правило, – согласился генерал. – И со знаком минус. Вот тут и включаются личные связи высшего руководства, включается политика. Все эти вопросы нужно решать, протаскивать через различные комитеты и комиссии.

– Да понял я, понял, – кивнул головой Гуров. – Не в лесу рос. Баш на баш! И еще, с волками жить – по волчьи выть. Или, назвался...

Уловив, как изменился взгляд генерала, Гуров мгновенно заткнулся. Глаза Грибенникова не стали строгими или начальственно гневными. Они стали усталыми и где-то умоляющими. Мол, хватит ерничать-то, полковник. Вам там, внизу, хорошо, там можно гордиться честью мундира и кичиться долгом перед простыми гражданами. А тут?

– Выбор пал на вашу кандидатуру, Лев Иванович, не толь-

ко потому, что обладаете необходимыми профессиональными качествами, но еще и потому, что вас знают как человека честного, принципиального.

Гуров чуть было не брякнул, что не считает последние перечисленные генералом качества отъемлемыми от профессиональных, но что-то ему подсказало, что лучше промолчать. Не зря же заместитель начальника главка так мнетя и утруждает себя уговорами. Видать, не все тут так просто.

– Я понял вас, товарищ генерал, – наконец сказал Гуров со всей приличествующей серьезностью и готовностью. – И насколько я понял – это просьба. И поступила она к вам не по официальным каналам.

– Вот именно, – с некоторым облегчением подтвердил Грибенников. – Личная просьба помочь и разобраться. Взвесьте, пожалуйста, на весах логики степень вашей неприязни и то зло, которое коснулось не нашего клиента, а коснется и касается большого количества простых граждан.

– По вашему тону я уже понял, куда склоняется чаша весов. Готов выполнить ваше поручение, только...

– Если вас заботят висящие на вашей шее дела, то, пока вы доедете до служебного кабинета, они уже будут переданы другим сотрудникам. Мне нужно лишь ваше согласие, и машина запустится.

– Вы его получили.

– Машина запущена, – так же коротко, чуть улыбнувшись, ответил генерал, который уже устал пререкаться с этим зна-

менитым полковником, а в данной ситуации еще и незамеченным. — Сами понимаете, что молодых толковых оперативников мы к вам подключить не сможем в интересах соблюдения конфиденциальности. Сочувствую, что ваш напарник, полковник Крячко, выбыл на некоторое время из строя. Работать придется вам одному, и боже вас упаси где-то, хоть случайно, хоть уголком засветиться с вашим служебным удостоверением.

Гуров пропустил замечания мимо ушей, потому что работать в таком режиме секретности ему приходилось, и не раз. Но когда он стал вникать в суть дела, уверенности у сыщика немного поубавилось.

Некий депутат Государственной думы Олег Иванович Федоров попал в серьезную беду. Депутатом он был всего три с половиной года. Особых связей среди сильных мира сего не имел, хотя определенным весом обладал. Родом Федоров был из Саратова. Во власть пришел из бизнесмена. Имел солидный капитал в недвижимости и нескольких коммерческих предприятиях. Никакого целенаправленного давления на депутата, как считал Грибенников, не планировалось. Все, что произошло, было не более чем случайное совпадение, но последствия оно имело весьма трагические.

Восемнадцатилетний сын Федорова, студент МГУ, отдыхал во время каникул на родине у матери депутата — своей бабушки. Парень не отличался склонностью к криминалу, не имел вредных привычек. Вполне нормальный и благополуч-

ный сынок, который знал, чего он хочет добиться в жизни. А что касается развлечений, то ничем особым от развлечений современной молодежи они не отличались.

Все произошло три недели назад. Драка на улице возле ночного клуба. Двое пострадавших без документов, удостоверяющих личность, с ножевыми проникающими ранениями доставлены в городскую клиническую больницу. Один из них – сын депутата Госдумы Федорова. Обоих довезти не удалось – скончались по пути в машинах «Скорой помощи». Результаты вскрытия показали, что Федоров-младший находился в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Тело опознано родителями, доставлено в Москву и захоронено на Ваганьковском кладбище. Жена депутата не прожила и девяти дней, скоропостижно скончавшись от сердечного приступа. Похоронена там же.

Гуров понимающе покачал головой. Такое свалилось на Федорова, что не позавидуешь. Чисто по-человечески его, конечно же, жаль: в один момент лишиться всей семьи... Однако не из-за простой поножовщины в далеком Саратове его вызвал заместитель начальника Главного управления уголовного розыска. Даже если и пострадал сын депутата Государственной думы. Есть тут, видимо, какое-то серьезное «но». О чем Гуров не преминул сообщить генералу.

– Разумеется, – кивнул Грибенников. – Ради рядовой поножовщины мы бы и дергаться не стали. Тем более что наряд милиции прибыл вовремя, участники драки задержаны, сви-

детели вполне конкретно указали на зачинщиков и тех, кто нанес эти смертельные удары. Никакой подтасовки в угоду депутату, нормальное и заурядное уголовное дело. И косвенные улики, и неопровержимые доказательства.

– Но?.. – напомнил Гуров.

– Но! Алексей Федоров не злоупотреблял спиртным, не курил. В употреблении наркотиков ни в каком виде не замечен. Вот это и насторожило отца. Не говоря никому ни слова, он обратился к надежному патологоанатому, который провел второе, негласное вскрытие. Оно показало полное отсутствие следов алкоголя и наркотических веществ в организме убитого.

– Смысл? – тут же привычно отреагировал Гуров. – Жалкая, неумелая попытка свалить ответственность на погибшего?

– Скорее продуманный шаг, который сразу же отмел бы все сомнения в результатах вскрытия. Они ведь там, в Саратове, тогда еще не знали, какой высокопоставленный сынок у них на столе лежит. Результаты конкретные, ни у кого и мыслей не возникнет вскрывать еще раз. Но расчет был на простого смертного. Дело в том, Лев Иванович, что повторное вскрытие тела показало... – Грибенников не удержался от эффектной паузы. – Что у покойного удалено несколько внутренних органов.

Гуров не удержался и громко присвистнул.

– Вот такие пироги, товарищ полковник, – усмехнулся

Грибенников. – Потому-то я вам и предложил взвесить меру зла. С одной стороны, продажные политики, какими вы их считаете; беспринципные люди, которые лезут во власть ради личной наживы. А на другой чаше весов – подпольная торговля внутренними органами. Причем, есть подозрение, что парня можно было спасти. Вполне мог молодой организм справиться с таким ранением. Не доказано, но такое мнение у патологоанатома сложилось. Считайте, что не кража органов без согласия родственников погибшего, а именно убийство ради этого крайне доходного бизнеса с выходом сюда, в Москву. И дальше, за границу. Попробуйте представить, как давно там процветает этот подпольный цех и сколько они еще натворят, не выведи мы их на чистую воду. Так что дело не в Федорове. Он – просто несчастный, убитый горем человек...

Когда Гуров вышел на улицу и уселся в свою машину, швырнув фуражку на заднее сиденье, солнце уже скрылось за крышами домов. Жара еще не спала. Асфальт, камень стен домов – все дышало как раскаленная печь, источая удушливое вонючее тепло. Гуров завел мотор, захлопнул дверку и включил кондиционер. Было о чем поразмышлять. Приехать в незнакомый город и в одиночку, не имея возможности обратиться за помощью, информацией к местным коллегам, найти в миллионном городе медицинское учреждение, которое тайно вырезает внутренние органы у случайных пострадавших... Причем, сопровождая все липовыми резуль-

татами вскрытия... Шпионы в чужой стране лучше оснащены, чем он. Хотя Грибенников сказал, что депутат собирается оказать посильную финансовую помощь в операции. Настаивая на полной секретности, генерал даже предложил не издавать никаких приказов по поводу отсутствия Гурова на работе в ближайшее время. Никаких приказов об отпусках, командировках — ничего. Очень легко подкупить рядового сотрудника и выяснить в кадрах этот момент, пожелай преступники это сделать.

И еще оказалось, что организация в Саратове действует серьезная и с серьезными связями. Доказательством тому было анонимное письмо, которое получил Федоров. Каким-то образом преступники узнали о повторном вскрытии. Депутата предупредили, чтобы он не дергался и не вздумал ничего предпринимать. Якобы злого умысла против него не было, всего лишь трагическая случайность. Если господину Федорову будет от этого легче, то убийцы гарантированно никогда из мест заключения не выйдут. Ему же, господину Федорову, за понимание и лояльность было обещаны несколько крупных контрактов через его фирмы на суммы в несколько миллионов долларов. Прибыль от этих контрактов, по признанию Федорова, обещала быть весьма и весьма привлекательной. Кстати, письмо он получил, когда его жена уже скончалась.

Глава 2

Мобильный телефон зазвонил в начале одиннадцатого. Гуров посмотрел на незнакомый номер – городской, с обычного телефона.

– Да?

– Лев Иванович? – спросил глухой хрипловатый мужской голос. – Вы ждете моего звонка. Это по поводу моего сына... погибшего.

– Я понял, – поспешно отозвался сыщик, пока говоривший на том конце не стал называть имен. Черт его знает, с какого он телефона звонит. Вдруг преступники, при их то масштабах деятельности, прослушивают депутата. – Все подробности при личной встрече.

– Да, конечно, – согласился Федоров бесцветным голосом. – Сможете сегодня вечером приехать в Кушнаревку? Это дачный поселок на юго-западе Москвы.

– У вас там дом? – насторожился Гуров.

– Нет. Я понимаю, что за мной могут следить и мой дом тоже может оказаться под наблюдением. Это дача моей тещи, но ее самой там не будет.

– Хорошо, годится. Адрес?

– Лунная, шестнадцать. Чтобы не плутать – это второй поворот направо от въезда с трассы. Красный кирпичный дом по левой стороне. В восемь вечера вам удобно?

– Хорошо, до встречи, – закруглил беседу Гуров и нажал отбой.

Да, видать, прижало депутата! «Сможете приехать», «вам удобно»... Вот как вы, господа хорошие, разговариваете, когда жареный петух вас в одно место клюет!

Гуров посмотрел на часы. До встречи у него оставалось больше пяти часов. Есть время заскочить к Стасу в больницу.

* * *

– А коньячку не принес? – громко зашептал Крячко, когда Гуров выкладывал на тумбочку фрукты, коробки с соком и прочие гостинцы.

– Жри бананы, – ухмыльнулся Гуров, – от них у обезьян повышенная «лазучесть» по деревьям. Для твоей задней левой конечности очень полезно. Мы там жаримся до одурения, а он в холодке раззадорился на коньячок!

– Я раненый, мне можно, – убежденно заявил Крячко.

– Эх, Стас! – в полный голос выдохнул Гуров. – Хватанул бы я и сам сейчас коньячку...

– Вот с этого места давай подробнее, – предложил Крячко, приподнимая подушку повыше и усаживаясь в кровати поудобнее.

– Могу и подробнее, – с готовностью согласился Гуров, садясь на край кровати рядом с другом. – В тот момент, ко-

гда ты подло кинул напарника, имея целью поваляться в прохладе кондиционированного воздуха в обществе прелестных нимф в белых одеждах, я попал под начальственный пресс...

И Гуров коротко посвятил Крячко в суть предстоящей разработки.

– Ну, ни хрена себе, – прокомментировал друг ситуацию. – Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю чего. И ты подписался на это частное дело... С каких это пор полковник Гуров стал бояться несогласия с начальством?

– Видишь ли, Стас, – негромко ответил Гуров, задумчиво глядя в окно. – Полковник Гуров не боится несогласия с начальством. Он боится несогласия с самим собой. Дело-то не частное. На месте Федорова мог оказаться любой другой человек. Почему мог? Многие оказывались и оказываются. И если я не разберусь там, в Саратове, то еще долго будут оказываться. Я ведь не из-за Федорова согласился.

– В общем-то, ты прав, конечно, – похлопал друга по руке Крячко. – Я вот все думаю, чего больше от современных научных открытий – вреда или пользы? И не нивелируется ли та крохотная полезная часть от них огромным потоком зла, которое несут мерзавцы, используя эти открытия в своих грязных целях?

– Философствуешь тут на белых простынях... – рассмеялся Гуров. – Ты не прав, Стас. Открытие в любом случае благо. Но мы об этом не задумываемся, потому что большая часть научных достижений проходит мимо нас – простых

обывателей. И только достижения в области медицины привлекают внимание, потому что они направлены на человека. Вот, к примеру, кто-то использовал что-то там для, скажем, изучения половых признаков плодовой мушки дрозофилы. Или кто-то описал физико-химические свойства почвогрунтов некоего района Алтайского края. И что? Результатами этих исследований воспользуются десятки, максимум сотни человек – причем, заметь, Стас, ученых, а не обывателей. Ты об этих результатах можешь вообще никогда не узнать, потому что они тебе «фиолетовы». А вот с медицинскими достижениями все сложнее. Тут дело касается каждого человека, потому что на него, несчастного, они и рассчитаны. В тех открытиях с мушками и почвами резон простой. Там – открытие ради открытия, чтобы кандидатскую защитить и надбавку к зарплате получить. Ну, для реноме ученого опять же. А тут, с медицинскими достижениями, деньги можно грести лопатой. Причем совковой! Куда ни плюнь, за все можно брать деньги. Плюгавый приборчик изобрел, который микротоками может чего-то там изменить. Отметь: может, а не лечит! И все – рекламируй, налаживай производство, торгуй. И это самый безобидный вариант.

– Ты чего на медиков взъелся?

– Не на медиков, Стас! Я взъелся на чиновников. Идиоту понятно, что достижения в области медицины требуют особого контроля, и в особенности их практическое применение. Вот тут и возникает грандиозная кормушка, Стас!

– Да понял я! Тебе разрядиться хотелось?

– Скучно с тобой, Крячко. Не любишь ты философии. Ты прагматик, что и привело тебя на больничную койку.

– Теперь за меня взялся! – расхохотался Крячко. – Кто тебя не знает, решит, что ты отвлекаешься от темы задания. Но я тебя знаю как облупленного, Лева. Хватит подходить к вопросу из-за кустов, ты ведь уже сформулировал проблему.

– Точно, – согласился Гуров и из задумчивого пессимиста снова стал хитрым и озорным оптимистом. – Проблема номер один – структура медучреждений и схема преступления. Она не должна бросаться в глаза, но работать четко и эффективно.

– Это проблема номер два, – покачал головой Крячко. – Анализ базируется на информации, а тебе ее еще добыть придется. У тебя там нет опоры, базы.

– Я же говорил – прагматик! – развеселился Гуров. – Вот за этим я к тебе и пришел. Напрягись по прошлым делам, кто у нас из саратовских тут светился в прошлые годы...

* * *

Гуров выскочил по новой развязке на МКАД. Очень удачно они с Федоровым выбрали время. Сейчас основная масса потока двигалась на восток, и в западном направлении можно было придавить газ. Мельком глянув на часы, сыщик оценил запас времени минимум в час. В таких делах, как эта

предстоящая встреча, спешить нельзя. Преступники наверняка не оставили депутата без постоянного внимания. Нежелательно им, чтобы Федоров все же обратился в милицию или прокуратуру. Угрозы угрозами, а что они могут сделать на самом деле? Убить его? Вряд ли такой ход решит их проблемы. Скорее всего, угрозы в письме – психологическое давление. Плюс помахали перед носом выгодными контрактами для бизнеса Федорова. Так что угрозы жизни депутата нет; угроза в том, что преступники обрубят все концы и следы преступления. Наверняка у них такой ход предусмотрен. Действовать нужно очень осторожно, чтобы не спугнуть.

Выскочив на путепровод, Гуров пересек МКАД и погнал машину в сторону от Москвы. Теперь определиться с возможным «хвостом» за ним самим и возможным наблюдением за Федоровым. Сыщик постоянно поглядывал в зеркало заднего вида. Пожалуй, примелькавшихся машин нет. Если для слежки используют несколько машин, то визуально обнаружить ее сложно. Но если слежка есть и она обнаружит, что Гуров едет в Кушнаревку, – это провал всей операции.

Поворот налево – и машина заскакала на разбитом асфальте. Сзади никого, по этой дороге вообще ездят только грузовики и трактора на ферму. Снова поворот, но теперь уже в сторону деревни. Где-то тут должна быть грунтовка.

На сегодняшний день самым слабым местом в операции был единственный звонок Федорова Гурову. Звонить он мог с любого случайного телефона, а не из кабинета, но шанс,

что преступники могли узнать, что депутат звонил в МУР Гурову и что он общался с генералом МВД, все же отбрасывать было нельзя. Гуров утром добросовестно отогнал свою машину в сервисный центр на техническое обслуживание и вернулся на работу на такси. Через пятнадцать минут его вывезли в город на другой машине через внутренний двор. Теперь он крутится по проселкам на машине Крячко. Только номера на ней уже не «родные», другие, из числа «оперативных», которые Гуров взял в техническом отделе главка. И сам Лев уже минут тридцать как в седом парике, темных очках и с наклеенными усами.

В Кушнаревку сыщик въехал минут за двадцать до времени встречи. Прокатившись по поселку из конца в конец, он наконец свернул на нужную улицу. Удачно! Как раз в районе нужного дома недавно перекапывали проезжую часть. Канаву засыпали песком и щебнем для усадки, но асфальт еще не положили. Вполне обоснованно можно сбавить скорость и сыграть бережливого автовладельца.

Гуров переключился на вторую скорость, не переставая бегать глазами по сторонам. Справа неказистые домишки, клочок соснового леса и озерцо. Слева сплошные заборы. Ага, вот и припаркованная машина с затемненными стеклами. А ведь жара на улице под тридцать градусов. Значит, если в машине наблюдатели, то стекла они опустят. Обязательно опустят. Дымок? Кто-то в машине курит и пускает дым через левое окно. Дилетанты дешевые! А вот и еще человек,

который делает вид, что ищет чего-то среди деревьев и недалеко от машины. Не факт, конечно, но очень похоже на наблюдение за домом тещи Федорова.

Плавню перевалив через неровности на дороге, Гуров прибавил газу и двинулся в сторону другого выезда из поселка. На сегодня встреча отменяется. Ни через пять минут, ни через тридцать «хвоста» за Гуровым не оказалось.

У ближайшей станции метро Гуров остановил машину и вошел внутрь. Потокон пассажиров его потянуло к турникетам. Работая локтями, сыщик выскользнул из потока в районе телефонов-автоматов. Кажется, особого внимания он не вызывает. Дождавшись, когда освободится телефон, Гуров снял трубку. Набрал номер, с которого Федоров звонил ему в прошлый раз.

– Хозяйственное управление, – отозвался строгим женским голосом телефон.

– Мосэнерго? – переспросил Гуров.

– Я же сказала – хозяйственное управление! – сразу раздраженно ответил женский голос.

– Простите, ошибся.

Хорошо, значит, не со своего звонил Федоров. Гуров набрал номер мобильного телефона депутата. Длинные гудки. Не берет? Гуров попробовал еще раз. Равнодушный голос известил, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети. «Перекрылся» депутат. Лев не приехал, и он стал нервничать. Да еще увидел на мобильнике незна-

комый номер. Понятно. Видать, с нервишками у Федорова совсем плохо. Ладно, есть у нас в архиве и другие шаги, ребята. Поглядим, кто хитрее!

* * *

Оставив машину в Стрельбищенском переулке, Гуров в мятой спецовке и с двухнедельной небритостью на лице двинулся к маленькой калитке в заборе. Сыщика очень устроивало, что Федоров похоронил своих близких в этой тихой части Ваганьковского кладбища. Мог бы, без всякого сомнения, решить вопрос и об участке в центральной, престижной части. Видать, понимал, что душевного спокойствия ему не видать, если мимо будут постоянно шествовать толпы любопытного народа в поисках могил Высоцкого, Абдулова, Вицина...

По расчетам Гурова, Федоров приедет на могилу часов в шесть. Значит, для конспирации ему придется на полном серьезе поработать пару часов. Кому придет в голову, что этот неопрятный мужик в рабочем костюме и с тачкой – не настоящий рабочий из кладбищенской администрации, а сыщик из МУРа? К тому же за несколько дней изучения Гуров понял, что главные дорожки убираются рано утром, а работы в глубине проводятся по мере необходимости – когда сухое дерево надо убрать, или если кто-то намусорит сильно. В основном за могилами ухаживали сами родственники. Наем-

ные рабочие ухаживали за богатыми и значимыми могилами в «парадной» части кладбища – там, где главный вход в стиле московского ампира.

Гуров добросовестно собирал сухую листву, редкий мусор, не спеша мел между оградками. Наполнив мешок, клал его на тачку и вез, шаркая ногами, к мусорным контейнерам. Внимания на него никто не обращал.

Федоров в сопровождении двух охранников появился в половине пятого. Высокий, но сутулый человек остановился перед могилой. Он облокотился на оградку и долго смотрел на два мраморных памятника. Охранники деликатно отошли в сторонку, однако «рабочего» они из поля зрения не выпускали. Это был самый сложный момент. Вдруг им вздумается удалить его подальше от хозяина, чтобы не мешал скорбеть.

Гуров старался вести себя тихо и незаметно. Шебуршился между оградками, что-то поднимал, клал на тачку, тихо передвигал ее дальше. Медленное зигзагообразное передвижение никоим образом со стороны не должно наводить на мысль, что в конечном итоге оно приведет мусорщика к депутату. Эту схему Гуров спланировал заранее.

Наконец от Федорова его отделяло всего метра четыре. Охранники уже начали косо поглядывать на мужика с тачкой. Пора! Услышать, точнее, разобрать его слова они все равно не смогут.

– Вот ведь беда-то, – начал бормотать Гуров себе под нос, – все работаешь, метешь, а личной жизни никакой. Хо-

тел давеча в Кушнаревку съездить, с любовницей встретиться, а за ней муж следит. Так и не увиделись, а она все ждет и ждет в Кушнаревке...

Боковым зрением Гуров заметил, что Федоров вскинул голову и посмотрел на него. Охранники тоже насторожились, услышав его голос. Ситуацию надо форсировать! Гуров посмотрел на депутата, и тут его как обухом по голове ударило. Да ведь это тот же тип, что проходу его жене не давал, когда она из Саратова прилетела. Фотографироваться с ней прищичило. Рок какой-то! Как начались неприятности с этого депутата и Саратова, так и продолжаются. Не мистика ли?

– Прогоните охранников, Олег Иванович, я полковник Гуров!

Депутат смотрел на кладбищенского работягу, с трудом возвращаясь в реальный мир из теней своего страдания. Гуров? Этот? Почему здесь? «В Кушнаревке», «следит»?

– Господи! Так это вы, но почему... ах, да, понимаю, – забормотал Федоров, рассеянно потирая лоб ладонью. – За мной следят.

Охранники наконец сообразили, что мужик в рабочей одежде говорит с их шефом, и ринулись пресечь его действия. К Федорову вернулись решительность и властность. Он обернулся к охранникам и лязгнул повелительным голосом:

– Отойти!

Остановившиеся в нерешительности плечистые парни по-

топтались на месте, переглянулись и попятились назад, все еще не сводя настороженного взгляда с человека в грязной рабочей спецовке.

— Эти ребята надежные, — тихо пояснил Федоров. — Они из охрannого агентства моего хорошего знакомого.

— В наше время купить можно любого, — отрезал Гуров. — Не хорошего знакомого, так его сотрудников. Слушайте и запоминайте...

Гуров говорил быстро, воспроизводя заранее составленный лаконичный текст. Он говорил, не переставая изображать уборку территории. Лишь бы этот подавленный горем человек запомнил и ничего не перепутал. Закончив говорить, Гуров сложил на тачку инструмент, мешок с собранным мусором и неторопливым шагом двинулся в сторону выхода с кладбища.

И этому зажавшемуся хамлу он должен теперь помогать... Хотя, почему ему. Федорова он использует лишь как источник информации, хотя чисто по-человечески этого человека было жаль. Гуров попытался вспомнить лицо жены Федорова, когда столкнулся с ними в Быкове. Помнится, была такая специфическая дама. С которой не стыдно и в свет выйти, и на отдых отправиться.

Гуров поморщился. «Чего это я так цинично начал сообщать? Какие бы они ни были, а все же люди. И у них нормальное человеческое горе. И присягу я в свое время давал защищать любого гражданина своей страны, а не выборочно,

не в зависимости от своих симпатий и антипатий. В том и смысл преступления, что оно направлено не только против конкретного лица. Любое преступление – это прежде всего явление, и явление антисоциальное. Оно уже по определению направлено против общества. Оно уже факт противоправных действий. Лучше подотри нос, – строго сказал себе Гуров, – и займись делом. Видишь, даже такие «хозяева жизни» не могут без тебя обойтись, когда прижмет. И не заместитель начальника главка ему помогает, а я. Куда вы все денетесь без полковника Гурова!»

Найдя опять душевное равновесие, Лев завел машину и двинулся в сторону места, где должна состояться наконец-то нормальная встреча.

Когда ты на шаг впереди, то у тебя есть возможность наблюдать за событиями со стороны. А со стороны все выглядело до крайности прозаично. Машина Федорова с затемненными стеклами целый час моталась по городу, выбирая очень оживленные улицы. Только плавное движение в потоке, никакой попытки избавиться от слежки, никаких резких поворотов и проскакивания перекрестков на красный свет. Самое главное – утомить и расслабить тех, кто висит на хвосте.

Наконец машина депутата свернула к Рижскому вокзалу, плавно перестроилась и углубилась в зелень переулков Марьиной рощи. Впереди показались огромные зеленые ворота складского комплекса и вереница «КамАЗов» с ино-

родными номерами. Вот уже третий поворот за Федоровым неотступно следовал старенький неприметный «Форд». Наконец депутатская машина притерлась к тротуару и остановилась. «Форд» поспешно остановился метрах в тридцати сзади. Обе машины замерли. Ровно через три минуты показалась патрульная машина ГИБДД. Она поравнялась со стареньким «Фордом», взяла чуть вправо, перекрыв ему дорогу. Два лейтенанта не спеша вылезали из кабины на плавящийся от жары асфальт.

Машина Федорова рыкнула мотором, плавно отвалила от бордюра и ушла по переулку к следующему повороту. Еще секунда, и она скрылась из глаз.

Федоров, как ему и было сказано, покинул машину возле супермаркета, и она мгновенно снова нырнула в дорожный поток. В прохладе большого магазина кто-то толкнул депутата плечом, и знакомый голос Гурова коротко велел спешить за ним. Войдя в торговый зал, Федоров быстрым шагом стал догонять сыщика. Они прошли мимо стеллажей, холодильных мясных витрин и оказались у невзрачной двери. Гуров смело шагнул вперед, открыл дверь и, кивнув Федорову, вошел внутрь.

За дверью оказался плохо освещенный коридор, а в конце еще одна дверь. Из-за нее пахло городским жаром и духовой. С невысокого пандуса открывался вид на большой двор. Гуров не очень вежливо подтолкнул Федорова в сторону бетонных ступеней мимо разгружавшейся фуры. Открыв зад-

ную дверцы серой «десятки», пропустил депутата внутрь, плюхнулся на переднее пассажирское сиденье и весело сказал водителю:

– Ну, все, братан, давай к метро. Там мы выскочим.

– Скажите... – начал было недовольно Федоров с заднего сиденья.

Гуров обернулся, подмигнул без улыбки.

– Потом. Потом все обсудим, – твердо сказал он.

Федорову все это начинало надоедать. Он вообще не привык к тому, чтобы не владеть инициативой. А тут, как в каких-то шпионских фильмах, его долго катают по городу, таскают по магазинам через служебные двери... Теперь еще они идут пешком дворами, подходят к старой пятиэтажке...

Гуров ничего не объяснял до поры до времени. Место, куда он вел депутата, было самым надежным для беседы. Это была его, Гурова, конспиративная квартира. Здесь есть гарантия, что тебя не подслушают, не увидят. Он сделал все, чтобы наблюдатели, которые вели Федорова, не заподозрили бегства объекта. Просто небольшое стечение обстоятельств в виде патрульной машины ГИБДД, которая задержала их всего на полторы минуты. И этого времени хватило, чтобы изъять Федорова из его машины. Теперь пусть следят, сколько им влезет. Правда, минут через тридцать они узнают, что в машине только один водитель, но понять, где они потеряли «объект», будет уже невозможно. Главное, что со стороны самого «объекта» не было никаких попыток скрыться. Где-

то вышел, и все.

– Скажите, полковник, вы не очень заигрались в шпионов? – брюзгливо спросил Федоров. Он теперь явно узнал Гурова по той сцене в аэропорту. – Я понимаю, что в вас говорит некоторое раздражение из-за недавнего инцидента, но согласитесь, что это не повод...

– Во-первых, у меня есть имя и отчество, как и у всех людей, – холодно заметил Гуров, усаживаясь на диван и с наслаждением вытягивая ноги. – Меня зовут Лев Иванович. Я старший оперуполномоченный по особо важным делам МУРа. И я не заигрался. Вас, Олег Иванович, пасут. И пасут очень плотно. Если бы наблюдатели заметили, что вы пытаетесь уйти от слежки, то финал был бы один: преступники решили бы, что вы что-то затеяли. А самая опасная для них затея – это ваше обращение в органы. И лавочка мгновенно закроется. Смысла что-то искать уже не будет, понимаете?

– Вы считаете, что все так серьезно? Ну, в смысле слежки за мной? – с заметной долей скепсиса осведомился Федоров, усаживаясь в кресло напротив сыщика.

– Я вам назвал свою должность, не так ли? – терпеливо ответил Гуров. – Или вы считаете, что МУР – это название детского сада, где на двери нарисована милая кошечка-мурлыка? Я не в том возрасте и звании, Олег Иванович, чтобы развлекаться игрой в шпионов.

– Ну, хорошо, допустим, что вам виднее.

– Не «допустим», а в самом деле виднее. По своему опыту

знаю, какие деньги могут стоять за этой организацией в Саратове и какие ниточки ведут сюда. И даже дальше. Поэтому давайте перейдем к делу.

– Хорошо, хорошо, – кивнул Федоров, сдаваясь.

Дальше начался быстрый и доскональный допрос. Гуров понимал, что его собеседнику придется сейчас заново пережить все с самого начала, но иного выхода, кроме как услышать все из первых уст, у него не было. Федоров был угрюм, отвечал глухим голосом, глядя на свои ботинки.

– Мне очень неприятно, что приходится задавать такой вопрос, – наконец спросил Гуров, – но все же, Олег Иванович, расскажите, как умерла ваша жена.

– Сердечный приступ, – коротко ответил Федоров.

– Я знаком с результатами вскрытия, меня интересуют обстоятельства.

– Сердце у нее пошаливало и до этого. После гибели сына, сами понимаете, она жила только на лекарствах. А тот приступ случился, когда она была дома одна. Просто некому было вовремя вызвать «Скорую». Когда домработница вернулась из магазина, помогать было уже поздно.

– На какой день после похорон это случилось?

– На четвертый.

– Кто еще знает о повторном вскрытии тела вашего сына?

– Никто. Мне самому это пришло в голову неожиданно.

– В письме, содержащем угрозы в ваш адрес, недвусмысленно намекается на повторное вскрытие тела.

– Ну-у...

– Олег Иванович, ведь тело кто-то на вскрытие повез, через кого-то вы это все организовали...

– Тело с самолета сразу повезли в морг. Для того чтобы подготовить его к погребению, – заметно задрожавшим голосом ответил Федоров. – Мой знакомый патологоанатом приехал туда и там провел вскрытие. Так что знает он и заведующий.

– Ладно, с этим разберемся. Есть там еще и санитары, и уборщицы... Теперь перейдем к практическим вопросам. Наш общий друг с большими звездами на погонах говорил о том, что вы готовы профинансировать эту операцию. Сразу скажу, что времени она может занять немало. Уйдут недели, прежде чем...

– Я дам вам пластиковую карточку, – перебил сыщика Федоров. – Если потребуются еще деньги, то просто пошлите SMS-сообщение или сообщение по электронной почте. Просто нужную цифру, я буду знать. Я же понимаю, что вам придется действовать там неофициально. Могут быть замешаны местные органы. Только я не представляю, как вы все это собираетесь выяснять. Ведь нужно будет найти иголку в стоге сена...

– Это уже моя работа. А насчет иголки вы не правы. У этой иголки длинный хвост тянется. И даже несколько.

– Я не разбираюсь в ваших делах и вашей терминологии, – невесело усмехнулся Федоров. – Я просто хотел сказать, что-

бы вы не стеснялись в средствах. Тратьте сколько нужно, подкупайте кого хотите; купите машину, самолет, хоть завод в Саратове, если это потребуется. Просто у меня ничего в жизни не осталось, кроме дочери, которая учится в Англии. И живу я до сих пор только ради нее. И еще – надеждой, что кто-то ответит за свое злодеяние. Если вы это сделаете, Лев Иванович...

– Стоп, – остановил Гуров собеседника. – Вот дальше не надо. Совершенно преступление, и моя работа заключается в том, чтобы найти преступников. Просто сейчас временно вы замещаете бухгалтерию моего ведомства. За эту работу у меня идет зарплата, и до дня получки я думаю уложиться с этим делом.

– А премии вам положены?

– Положены, но в исключительных случаях, – с готовностью согласился Гуров. – Вот когда меня ранят, тогда и наградите меня отдельной VIP-палатой в лучшей клинике столицы, редкими лекарствами и достойным питанием. Если не повезет, – достойные похороны за ваш счет. Договорились?

Гуров тут же пожалел, что, пытаясь отшутиться, заикнулся о похоронах. Лучше уж перейти опять к делу.

– А если серьезно, то мне могут понадобиться специальные технические средства, которыми я там не буду располагать. Лишних контактов с Москвой и тем более с генералом Грибенниковым быть не должно. Поэтому придется все покупать и мудрить на месте самому.

– Лев Иванович, я же сказал, что готов потратить любые суммы. Понадобятся миллионы – значит, потрачу миллионы.

– Да-а? – изумился Гуров.

– И еще, – добавил Федоров, пропустив мимо ушей восклицание сыщика. – Считаю, что вам нужно знать это. Вообще-то, сейчас в Саратове находится человек, которого я нанял частным образом.

Боевой настрой у Гурова от услышанного мгновенно упал до нуля. Ну, вот и напортачил депутат со своей самостоятельностью. Теперь все псу под хвост! Федоров глянул на полковника и, видимо, понял его отношение к полученной информации.

– Этот человек – бывший работник милиции, майор, – поспешно стал объяснять депутат. – Абсолютно надежный и честный человек. Он и родом из Саратова. О его... э-э, миссии никто, кроме меня, не знает. Думаю, вам будет полезно контактировать с ним и в дальнейшем... Иными словами, у вас там будет помощник. Возможно, он успел уже что-то узнать.

– Да-а, Олег Иванович, – обреченно сказал Гуров, – ничего хуже вы придумать не могли... Ну, да ладно, что сделано, то сделано. Как мне с ним связаться?

Глава 3

Улицу Яблочкова Гуров нашел быстро. Старинные купеческие двухэтажные домики дореволюционного Саратова соседствовали с высотками улучшенной планировки. Выглядело это безвкусно, терялось лицо старого центра города. Правда, старые домишки выглядели плохо и просто просились под слом, но это уже, как говорится, другая сторона медали. На других улицах старинные дома выглядели сравнительно неплохо.

Вывеска «Альфа», частное охрannое предприятие. Неприметный дом, на первом этаже которого просто не может разместиться солидное охрannое и детективное агентство. Судя по тому, что в окнах второго этажа виднеются разномастные занавесочки, «Альфа» занимает только первый этаж.

Гуров торчал здесь с восьми утра. Он прохаживался из конца в конец, сидел на низком металлическом ограждении газона, снова принимался ходить. Ни на секунду не выпускал из вида вход и парковку перед ним. Когда-то же генеральный директор должен явиться на работу...

В восемь часов утра Гуров с деловым напором заявился в эту контору. У входа он, как и следовало ожидать, наткнулся на стол, за которым восседал плечистый парень. Из расстегнутого ворота камуфляжной куртки виднелась тельняш-

ка, на клапане нагрудного кармана – нашивка ЧОП «Альфа».

– Вы к кому? – осведомился охранник.

– Я по поводу заключения договора, – с готовностью заверил Гуров.

Охранник деловито окинул посетителя взглядом. Зрелый мужчина, солидно держится. Одет в светлые летние льняные брюки и рубашку навыпуск. В руках средних размеров борсетка. Она-то сейчас и была самым уязвимым местом Гурова. А вдруг у них тут такие порядки – осматривать посетителей? А там табельный «макаров» и муровское служебное удостоверение... В планах Гурова было избавиться на время от этих улик, но встреча была на данный момент важнее.

Охранник открыл объемистый журнал на своем столе, взял в руки авторучку и попросил документы. Гуров изобразил легкое недоумение, но не более. Он извлек из борсетки паспорт и протянул парню. Паспорт был оперативный, «чистый». В нем была наклеена фотография Гурова и значилось: Рогов Павел Андреевич. «Чистый» означало то, что некий Рогов не отбывал наказания в местах лишения свободы, не числился без вести пропавшим или в числе утеревших однажды документы. Честно говоря, такого человека вообще не существовало на свете. Просто номер соответствовал определенному возрасту, городу и срокам выдачи, никаких особых сведений об этом человеке узнать никому не удастся. Потому что их просто нет. Этот паспорт был изготовлен в техническом отделе главка и мог выдержать любую проверку

на любом уровне. Там же Гуров получил и водительское удостоверение на эту же фамилию и со своей же фотографией.

Пока охранник записывал данные посетителя, сыщик лениво осмотрелся по сторонам. Дешевые панели на стенах, традиционный подвесной потолок с растровыми квадратными светильниками. Камера видеонаблюдения направлена на входную дверь и захватывает зону у стола охранника. Значит, личина Гурова запечатлена. Не есть здорово, но и не критично. Если думать, что твой гипотетический противник всемогущ и вездесущ, то недалеко и до паранойи. Осторожность и предусмотрительность хороши, как и алкоголь, в меру.

– Пойдемте, – вежливо, но сухо предложил охранник, возвращая Гурову паспорт.

Гуров последовал за парнем по коридору. Распахнутая двустворчатая дверь с матовыми стеклами вывела их в небольшую приемную. Здесь уже не панели, уже чуть солиднее – светлые обои под покраску, недешевые двери из мореного массива. За темным «шатуровским» столом в окружении напольных кадок с цветами виднелась светловолосая худенькая дама в очках с тонкой оправой. На левой двери табличка «Генеральный директор», на правой – «заместитель генерального директора». В коридоре Гуров успел заметить еще три двери. Судя по площади первого этажа, которую он смог определить снаружи, те комнаты были никак не больше пятнадцати-двадцати квадратных метров. В одной наверня-

ка бухгалтерия, в другой – какой-нибудь дежурный пульт – если только камера, что торчит у входа, не выведена на компьютер секретарши. Что еще тут может быть? Руководители среднего звена: начальник охраны объектов, на которые заключены договора, командир ГБР (группы быстрого реагирования), если такая имеется, начальник группы физической охраны или детективного направления, если такие тоже имеются. Может, еще оружейная комната.

– Вот, по поводу договора, – исчерпывающе изложил охранник и удалился специфической походкой перекачанного без меры культуриста.

– У вас заключен договор или вы только хотите его с нами заключить? – излучая приветливость, осведомилась девушка.

– Да, – абстрактно ответил Гуров. – Я хотел бы встретиться с вашим генеральным, с Гужовым.

– Сергея Владимировича сейчас нет на месте. Но по поводу договора вам нужно или к его заместителю, или к начальнику службы охраны.

– А когда будет Гужов?

– Сергей Владимирович сам договорами не занимается, – пояснила секретарша, теряя постепенно следы дежурной улыбки. Клиент оказался не совсем удобным и капризным. – Или вы по другому вопросу? Давайте я вас запишу. Как только Сергей Владимирович приедет – я ему доложу и тут же сообщу вам.

«Ясно, — подумал Гуров. — Намекает, что мне пора убираться». Встретиться с руководителем «Альфы» сыщик намеревался или в кабинете, или в машине. То есть в такой ситуации, которая позволит ему сказать Гужову несколько слов, прежде чем перед его носом закроется дверь. Были у Гурова в запасе и нестандартные ходы. По крайней мере он не собирался выступать в роли просителя и просиживать под дверями сутки напролет.

Наконец к зданию подкатил белый «Лексус». Бритоголовый мужчина крепкого телосложения неторопливо выбрался из машины, придерживая около уха трубку мобильного телефона. Что-то кому-то доказывая или кого-то отчитывая, он захлопнул дверцу. Коротко квакнула сигнализация. Гуров узнал Гужова по фотографии десятилетней давности. Это был уже не тридцатилетний худощавый парень с напряженным взглядом. Ныне это солидный руководитель с заметным брюшком и плотной шеей. И голову он теперь бреет наголо.

Как показывает опыт, руководитель, приехавший в свой офис, через пять минут из него не уезжает, даже по срочным делам. Тут и масса вопросов у заместителей накопилась, и срочные документы, которые нужно подписать. Как ни крути, а минут тридцать Гуров себе на все это положил. Теперь можно и за угол отлучиться. Мелькнула там вывеска кофейни «Восток — Запад», когда Лев искал офис «Альфы»...

Легкий завтрак и пара чашек кофе привели Гурова в хорошее расположение духа. Не говоря уже о туалете, в кото-

рый он первым делом забежал. При той операции, которую он собирался провести, полный мочевого пузыря не только помешает, но и будет опасен.

Вернувшись на свою позицию, Гуров убедился, что белый «Лексус» все еще на месте. Теперь снова ожидание.

Дверь офиса открылась, как это всегда бывает, неожиданно. Гужов вышел быстрым шагом, поднял руку, и его машина отозвалась двойным кряканьем отключенной сигнализации. Бросив большую черную папку на сиденье, он уселся за руль и завел мотор.

Не доходя до угла Киселева и Вольской, Гуров занял позицию. Слева за перекрестком у театра юного зрителя был пост ГИБДД, поэтому все предстояло проделать вне их поля зрения. «Лексус» сдал задом, вывернул колеса и газанул в сторону перекрестка. Гуров примерился и кинулся с тротуара наперерез. Удар передней фары он принял ладонями согнутых в локтях рук, но его все равно закрутило и швырнуло на асфальт боком. Зажатая под рукой борсетка выскочила и упала рядом. Кто-то пронзительно взвизгнул женским голосом. «Маша не видит, а то оценила бы мою актерскую игру и признание зрителей, – подумал сыщик. – Хотя... лучше бы ей этого не видеть и не знать».

Хлопнула дверца машины, рядом на асфальте появились светлые легкие мужские туфли.

– Ты чего, мужик, спятил? – нервно проговорил сиплый голос Гужова. – Откуда же ты взялся-то на мою голову? Жи-

вой, что ли?

– Да живой, – старательно кряхтя, ответил Гуров и стал подниматься с асфальта, первым делом подхватив борсетку с пистолетом.

– Ты чего под колеса кидаешься, слепой?

– Извините, не заметил я вас, – виновато ответил Гуров. – Я без претензий, сам виноват. Нога что-то... Вы меня подбросьте пару кварталов, мне в статуправление надо. Не дай бог сейчас кто милиции сообщит, а они тут за углом.

Бритоголовый водитель «Лексуса» мгновенно оглянулся. Гуров уже брался за ручку двери машины, не оставляя бритоголовому выбора. «Лексус» тронулся, чуть задержался на нерегулируемом перекрестке и вывернул влево. Гуров тер колено, болезненно морщась, и выжидал, когда машина остановится на пешеходном переходе. Загорелся красный свет. Гужов затормозил и сидел, молча глядя вперед на пешеходов. Рядом на тротуаре топтался лейтенант с полосатым жезлом.

– Ну, здорово, Борман! – весело сказал Гуров бритоголовому. – Неплохо жить стал. Привет тебе от Гвоздя.

Гужов вытаращился на своего пассажира, бегая взглядом по его лицу и одежде. Сзади засигналили, но «Лексус» не трогался.

– Ты давай, газуй, Борман. Не привлекай внимания милиции. Незачем тебе это, – бодро распорядился Гуров, оставив в покое свое колено. Пригнулся к плечу Гужова и громким

шепотом добавил: — Очень Гвоздь на тебя обижен.

— Кто вы такой, черт... — процедил наконец Гужов сквозь зубы и тронул машину вперед. — Что за клоунада?

— Объясню, — охотно пообещал Гуров. — Только ты, Сергей Владимирович, припаркуйся где-нибудь. Посидим, поговорим. Ты какой-то впечатлительный; не ровен час, аварию устроишь...

— Будешь тут впечатлительным, — буркнул Гужов, — когда тебе под колеса кидаются.

История эта была давняя. Лет десять назад несколько предприимчивых парней из Саратова подались в Москву. Цель простая — подзаработать на чем-нибудь, осесть в столице, замутить какой-нибудь бизнес да половить рыбки в мутных водах большого города. Поначалу занялись ремонтно-строительными работами как посредники. Искали заказчиков на строительство или ремонт загородных домов, подтягивали частные бригады, а то и из Саратова привозили — благо, что саратовские шабашники обходились посредникам дешевле.

Только маловато кое-кому показалось. Гвоздь и Борман занялись еще и делами криминальными. Загородные поселки всегда были местом рыбным, и все было на глазах. И дом приглядеть можно, где еще сигнализацию не установили, и машину, оставленную в темное время суток. Да и адресок городской квартиры богатого хозяина узнать можно. Стали парни приворовывать, да так у них все удачно пошло, в том

числе и со сбытом, что потеряли они осторожность. Не сообщили, что у милиции агентура как раз в таких местах специально подобрана. Не подумали по неопытности, что в загородном коттеджном поселке первое же подозрение падет на шабашников.

Повязали ребят местные опера, да только не очень удачно. Прямых доказательств на Бормана не было. Хитрый Гвоздь рассудил здраво, что выдай он дружка своего Гужова как подельника – загремят оба вместе с наворованным. Возьмет все на себя одного – Борман останется на свободе. А при нем останутся и накопления, сделанные за год криминальных приключений. Пошел Гвоздь в сознанку, получил по полной восемь лет, потому что не сдал краденого, не сотрудничал со следствием, не сдал подельника, который у него явно был.

Вот так Гужов и ушел от наказания. Единственное, чего он не мог знать, – того, что Гвоздь умер в зоне еще четыре года назад. Не мог знать, потому что всячески старался избегать контактов и с родственниками Гвоздя, и вообще с криминалом. Так и жил, перепробовав много способов зарабатывания денег, пока не остановился на частном охранном агентстве. Удалось ему привлечь кое-кого из органов к сотрудничеству, положив определенное содержание; свели с нужными людьми, порекомендовали. Оброс заказами Гужов и стал жить степенно. Да и название своей фирме выбрал непростое: по аналогии с известным подразделением специ-

ального назначения КГБ-ФСБ. Даже в учредительных документах у него было написано, что преимущественным правом устройства на работу в его фирму пользуются бывшие сотрудники органов МВД и ФСБ. И сам Гужов приобрел себе удостоверение ветерана спецслужб. И на тебе! Привет от Гвоздя...

– Так чего вам от меня нужно? – хмуро поинтересовался Гужов, проигрывая в голове способы обезопаситься в этой ситуации с помощью своих связей.

– Хороший вопрос, – похвалил Гуров. – Конкретный. Дело обстоит следующим образом. То, что у тебя осталось, и то, что ты Гвоздю задолжал, – мелочь. Никто не собирается тебя обирать до нитки или наказывать. Дело любовное. Долг отработать нужно, но ты не переживай. Окажешь мне кое-какую организационную помощь и свободен до скончания века. Я приехал, дело сделаю и уеду. Ты обо мне больше не услышишь. Дела хлопотные, но без криминала, не волнуйся. Кроме того, особо большие расходы я на тебя вешать не буду. За мной стоят люди состоятельные и в твоих подачках не нуждаются. Как, устраивает тебя такое «разруливание», Борман?

– И чем же я должен помочь? – напряженно хмуря лоб, спросил Гужов.

– Что-то ты нервничаешь, – оценивающе посмотрел Гуров на собеседника. – Я же сказал, что следов за мной нет и не будет. Я в городе ориентируюсь плохо, знакомых нет. Да и

светиться раньше времени не могу. Вот ты мне кое в чем и поможешь. Где что-то сделаешь, где посоветуешь... Квартиру вот мне нужно снять, машина по доверенности на право управлением нужна. Вот в таком вот духе.

– Понятно, – с некоторым облегчением сказал Гужов. – А гарантии?

– Гарантии? – переспросил Гуров добрым голосом. – А какие у меня гарантии, что ты не сдашь меня ментам?

Рука сыщика легла на плечо Гужова и почти по-отечески потрепала его. Но тут же пальцы Гурова жестко схватили собеседника за кожу щеки и рывком повернули голову лицом к себе.

– Слушай сюда, Борман! Ты десять лет назад здорово нахустрил в Москве. И если думаешь, что ментам ворошить прошлое нет резона, то ты прав. Только не ментов тебе бояться надо! Ты авторитетным людям тогда проблемы создал, когда менты шмоны свои устраивали, да и еще кое-кого сильно обидел из влиятельных граждан. Тебе рассказывать, что это почти один и тот же огород, или сам сообразишь? Нет проблем у меня – нет и у тебя. Будешь права качать и ерепениться – огребешь проблем по полной! Усек? Я то что, у меня паспорт чистый, и за мной все чисто, а вот ты...

Гужов нервно выдернул щеку из цепких пальцев странного мужика, принесшего весточку из прошлого. Потер покрасневшую кожу.

– Ладно, что конкретно от меня нужно?

– А я сказал уже, – прежним почти ласковым голосом напомнил Гуров. – Хата здесь, в центре, колеса. За все плачу сам. Пока все. Еще что понадобится – скажу. И, ради бога, осторожнее ты ездь по узким улочкам. Можно же и на человека наехать!

* * *

Гуров ожидал чего-то в этом роде, но не такого количества медицинских учреждений в одном областном центре. Хотя и миллионный город, но многовато. Правда, это пугает, если смотреть на купленную карту города, а вот если ползать по сайтам, то все не так уж и страшно. Всевозможные ведомственные и хозрасчетные поликлиники можно отместить сразу – там нет никаких условий для размещения хоть официальной, хоть подпольной операционной. Впрочем, это не главное, пусть будет подпольная в подвале. Да хоть в котельной. Главное другое: то, что туда может, не вызывая подозрений, подъехать машина «Скорой помощи».

Отодвинув ноутбук, Гуров задумался, почесывая голую поясницу под резинкой трусов. Все-таки обманула хозяйка, что кондиционер работает нормально. Или не справляется в этом году? Вон сколько рекордов максимальной температуры в этом году побито... Ну, да ладно. У нас есть два варианта. Первый: органы Алексею Федорову удалили прямо в четвертой горбольнице, куда его «Скорая помощь», собственно,

и привезла. Фамилия патологоанатома есть. Могла сделать вскрытие, вырезать органы, зашить, написать заключение – и все. Возможно такое? Теоретически. Никто ведь не должен знать, что она этим занимается. Ну, может, главврач в курсе, подельник ее. Но сдается, что такие вещи так просто не делаются. Это же не магнитола ночью из вскрытой машины украсть. Тут технология какая-нибудь есть. И удалить правильно, в определенных условиях, и поместить органы сразу же куда-нибудь. Не на лотках же в холодильниках они валяются, а в каком-нибудь физрастворе... Да и лежать им там долго нельзя, нужно сразу отправлять. В какой-нибудь специально оборудованный холодильник, а то и напрямую по назначению.

Значит, первый вариант менее приемлемый. Вряд ли в рядовой горбольнице будут организовывать такой цех. Тогда второй вариант. Если предположить, что специально оборудованное помещение, где квалифицированно удаляют органы, находится в ином месте? Тогда преступникам приходится завозить тела туда, а потом уже в морг. Несколько подкупленных человек проигнорируют, что тело уже со следами вскрытия. А может, и один. Все тот же патологоанатом из «четверки». Привезли, дежурный врач пощупал пульс, посмотрел зрачки, что там у них еще положено, сделал. Короче, констатировал смерть – и тело в подвал. Реально? Вполне. Дело осталось за малым – выявить это хитрое место, куда заезжает «Скорая помощь».

Список медицинских учреждений постепенно начал убавляться. Окраинные и рядовые муниципальные Гуров отмел сразу. Те, где, по данным сайтов, отсутствовала хирургия, – тоже. Что дальше? А дальше – ноги в руки, точнее, в машину, и делать объезды. Как расположено медучреждение, можно ли машине подъехать с какого-нибудь заднего хода, есть ли вообще подвальные и полуподвальные помещения. И еще один вопрос – чья деятельность близка или непосредственно связана с трансплантологией?

Но это все на завтра. Завтра нужно посмотреть и на ночной клуб. И неплохо бы встретиться с частным детективом, которого нанял Федоров и который торчит тут вторую неделю. По электронной почте должна прийти информация о месте и времени встречи, но пока ее нет. Ладно, все равно нужно составить собственное впечатление.

Гуров лазил по сайтам области, читал размещенные статьи местных журналистов, правозащитников, читал интервью и заявления местных чиновников, поднимал свежие и не очень свежие новости: недельной, месячной давности. Постепенно у него стала складываться в голове определенная картина.

Возникло впечатление, что к власти в области в свое время пришла совершенно новая команда, которая пользуется поддержкой в Москве. Прежнего губернатора многим хотелось прижать к стене по полной программе, но его защита была непрошибаема, как железобетон. И об этот железобе-

тон разбились в пыль все нападки и обвинения в коррупции, использовании служебного положения в корыстных целях. Поднималась в свое время и встречная волна в защиту экс-губернатора. И для области он сделал много, и Парк Победы организовал. Всплыл какой-то верблюд в его загородном доме, которого интерпретировали, с одной стороны, как беспардонное барство, а с другой – убеждали, что это подарок.

Гуров не совсем понял, что это за верблюд, зато хорошо понял, что бывшего главу области просто сдали и навешали на него, как на крайнего, всех собак. Был он под следствием, и было возбуждено уголовное дело. Еще Гуров понял, что глава города и губернатор долгое время находились в противоречиях, мягко говоря.

Самое интересное, что в новой команде начались старые песни. Опять противостояние между губернатором и городскими властями. В муниципальные органы власти и депутатство поперли бизнесмены. Интересно, зачем хозяину сети дорогуших ресторанов нужно главенство над одним из районов города? Минут через пятнадцать Гуров понял зачем – чтобы следом встать у руля, но теперь уже всего города. Еще интересный момент – противостояние главы одного из муниципальных образований и губернатора. Ага, понятно: глава района метит на следующих выборах в губернаторское кресло. А дальше? Супер! Глава района арестован по подозрению в совершении тягчайших преступлений и чуть ли не организации и руководстве организованной преступной группы. И

даже население района массово выступает в его защиту. И к президенту обращаются...

Этот ход Гурову не понравился. Верить журналистам он просто так не собирался – знал, чего зачастую стоят их скандальные факты. Но сомнения появились. Тем более что информации о процветании коррупции в области было более чем достаточно. И не огульной, а с фамилиями тех, кто пойман за руку. И главы районов, и их заместители, и даже заместитель областного министра. В этой связи как-то мрачновато выглядело убийство областного прокурора, произошедшее пару лет назад, и факт, что обвиняемый в организации – директор одного из заводов – покончил с собой в камере СИЗО.

Интересно, что торгуют тут всем что ни попадя. Даже должностями. Вот, к примеру, после того, как директорам общеобразовательных школ существенно подняли зарплату... в районе сорока тысяч... чтобы стать директором школы, нужно дать взятку в размере ста пятидесяти тысяч. Интересно, а сколько же стоят должности областных министров, их заместителей или хотя бы председателей комитетов?

«Область-то не простая, – задумался Гуров. – Тем более что так наглеют на местах тогда, когда их кто-то в Москве поддерживает, отводит беду и прикрывает».

Утро застало Гурова за рулем неприметной серо-серебристой «десятки». Он методично объезжал все отмеченные в своей аналитической таблице медицинские учреждения. Долго разглядывал здание со стороны, потом внимательно осматривал вблизи, обходя вокруг кругами. Потом садился и заносил данные в таблицу. Итогом был вывод, говорящий о вероятности размещения в учреждении подпольной операционной по удалению внутренних органов. Когда удастся собрать максимум данных и впечатлений, то таблица будет перетасована. Учреждения в ней уже разместятся по степени убывания вероятности. Но будет это не завтра и не послезавтра.

Первая городская больница, вторая, третья, Кардиологический центр, Клиника профессиональных заболеваний, Железнодорожная больница (странное название), Ожоговый центр... Сколько же их еще тут?

К вечеру Гуров выдохся основательно. В машине не было кондиционера, а опущенные с обеих сторон окна не спасали. На темя ощутимо давила раскаленная крыша автомобиля, да еще пробки, встретить которые в провинциальном городе Гуров не ожидал. Когда он добрался наконец до ночного клуба «АРС», было около семи вечера. Дважды проскочив нужный поворот, он снова объезжал квартал. Вот и бывший

машиностроительный завод. Хотя вроде кое-что в нем еще действует. А вот ночной клуб напротив завода разместился в помещении, которое раньше, судя по всему, относилось к внутренней заводской инфраструктуре.

Гуров сунулся было во внутренний двор, но наткнулся на турникет и охрану, которая пускала только по приглашительным билетам. Гуров выругался и стал озираться. Ясно, что сегодня в «АРСе» какое-то специфическое мероприятие и вход не по обычным билетам для всех желающих. Другого пути к ночному клубу в этот вечер не было. Две машины с обычными номерами въехали во двор, штук двадцать припарковано на улице. Уже этот признак говорил о специфике клуба: исключительно молодежный и не самый престижный, иначе машин было бы на порядок больше. Что ж, в такой среде запросто может organizоваться и драка. Публика тут попроще. Проблемы и пути их решения в этой среде тоже не отличаются замысловатостью. «Нет, – решил Гуров, – сюда надо идти с приглашительным, провести тут вечерок и присмотреться к публике. Может, это ничего и не даст, но дело нужно доводить до конца».

Вернувшись к машине, Лев не стал сразу заводить мотор. Опустив боковые стекла, он немного понаслаждался сквознячком, потом вернулся к своим мыслям. Первое: нужно встретиться с агентом Федорова, как только придет сообщение. Его информация вряд ли будет решающей, но кое на что рассчитывать можно: этот бывший майор все же родом от-

сюда. Второе: нужно придумать, как влезть в сферу местной трансплантологии. Ведущие специалисты, центры и филиалы центров, местные органы здравоохранения... Опасно засветиться со своим интересом, но выхода нет. Правда, нужна определенная легенда. Третье: познакомиться с расположением станций «Скорой помощи», понять, с какой именно в тот вечер могла выезжать бригада. Оптимальный вариант – вычислить номер бригады. Тогда путем элементарной слежки можно засечь место расположения «объекта». Самый надежный путь. Но подобраться к станции «Скорой помощи» и не привлечь к себе внимания очень сложно. Чуть кто поймет, что есть чей-то интерес, – и все испортишь.

* * *

То, что когда-то это помещение было цехом или складом, было понятно по металлическим конструкциям, переплетенным где-то высоко под потолком на пяти– или шестиметровой высоте. С высокой овальной сцены надрывались две акустические системы. С непривычки по барабанным перепонкам било, как при артиллерийской канонаде. Столиков было не очень много. С десятков в два ряда прямо перед сценой и еще четыре с мягкими уголками за невысокими парапетами слева. За спиной, за рядом квадратных колонн, – длинная стойка бара. За ней орудовали аж четыре бармена.

Гуров решил, что до начала программы не стоит торчать

посреди зала за столиком со сгрустившимися на груди руками. Он подошел к стойке и в грохоте музыки подозвал бармена единственным доступным способом – поманив пальцем. Хотелось холодненького пивка, но даже слабый алкоголь после утомительного дня расслабляет, а Гурову еще предстоит работать.

– Сделайте чашечку кофе, – небрежно попросил он бармена.

Худой паренек, на котором белая рубашка моталась, как на вешалке, скорее понял посетителя по губам, чем расслышал.

– Эспresso, американо, капучино? – разобрал Гуров движение губ бармена.

– Капучино, – старательно артикулируя, ответил Гуров.

В другом месте и при других обстоятельствах можно было бы выразить и неудовольствие. Сейчас же Гуров даже порадовался тому, что тут так все плохо поставлено. Бармен начал возиться со своим кофейным аппаратом, потом куда-то ушел. Вернулся он не скоро и начал выгружать из аппарата отработанную кашу, которая недавно была кофейными брикетами. Потом он снова ушел и вернулся с пакетом кофе и маленькими таблетками сливок. Потом он ходил за водой, за чашками, потом за тряпкой, которой что-то вытирал около автомата. Гуров со злорадным наслаждением стал догадываться, что паренек мог уже и забыть о заказе.

А музыка все гремела и гремела. Молодежь почему-то

вскакивала и куда-то убегала из-за столиков. Все курсировали по помещению, кто-то с кем-то обнимался и хлопал ладонями по спине. И все, как один, постоянно курили. Судя по столам, зал вмещал человек шестьдесят-восемьдесят. Гуров приглядывался. Шестеро были очень заметно навеселе. Наверное, алкоголь, и, скорее всего, пиво. Запаха «травки» в воздухе не ощущалось. Вообще, Гуров быстро заметил, что в Саратове молодежь целыми днями хлещет пиво: и в транспорте, и на лавках в скверах, и просто идя по улице. Это немного шокировало.

Надо будет разочка три сбегать в туалет, решил он. Понюхать и поглядеть. Вряд ли кто будет употреблять наркотики в любом виде прямо в зале. А употребляют их в этом клубе или нет, выяснить нужно. Насколько с этим тут строго.

В полутьме углового столика с мягкими сиденьями уголком Гуров все же увидел людей более зрелого возраста. Судя по поведению, они тут завсегдатаи. И, кажется, трезвые. Позднее, правда, выяснилось, что это местный фокусник, которого пригласили выступить в клубе. Рядом сидели его друзья.

Программа, посвященная презентации какой-то рубрики одного из местных журналов, претендующих на гламур, шла своим чередом. Выступала главный редактор, выступали именитые гости, очевидно, постоянно мелькавшие на страницах этого журнала. Выступал фокусник, четверка девиц в перьях из какого-то варьете, причем перья разлета-

лись по передним столикам. Не обошлось и без выступления стриптизера. Это Гурова уже покорило, потому что его и женский стриптиз не возбуждал, а тут...

На сцене хохмили гости, усаженные в ряд на стульях. Из зала регулярно поступали записки с вопросами. Две соседки Гурова по столику средних лет наклюкались шампанского и громко требовали стриптизера. Гуров начал отчетливо замерзать. Вентиляция в зале была мощной, наверное, сохранившаяся с производственных времен. Табачный дым вытягивало мгновенно, но в спину и шею дуло ледяным воздухом. Ладно, пора познакомиться и с другими помещениями клуба.

Как Гуров себе и наметил, трижды он посещал туалет. Правда, один раз «перепутал» и сунулся в дамский. Признаков откровенного употребления наркотиков он не заметил. Собственно, и сильно пьяных-то в зале тоже не было. Сыщик понимал, что самое разгулье начнется после окончания программы. Начнутся танцы, будет орать музыка, притушат свет – и твори что хочешь. Придется задержаться и отработать этот клуб до самого конца.

От этой неприятной мысли Гурову сделалось скучно. Он побродил с минуту по холлу, где в иную погоду работал гардероб, затем вытащил припасенную пачку дорогих слабеньких сигарет. Как там Юлиан Семенов про Штирлица писал? Главное не как войти в разговор, а как из него выйти. В работе Гурова как раз важно было ввязаться в разговор, тем

более откровенный. Причем ввязаться так, чтобы тебя не заподозрили, что ты что-то вынюхиваешь.

Гуров направился к выходу, где скучал охранник лет сорока, по виду из бывших милиционеров. Зажав сигарету в углу губ, сыщик неторопливым шагом подошел к охраннику, похлопал по карманам и рассеянно спросил:

– Огонька не найдется?

Охранник мог вежливо протянуть зажигалку, мог ответить, что не курит. Но главное уже произошло. Сыщик вышел на контакт, и для скучающего охранника в радость просто поболтать с посетителем. Тем более что собеседник по виду мужчина солидный и серьезный. Пока охранник собирался что-то ответить по поводу «огонька», Гуров чуть улыбнулся и достал зажигалку из своего кармана.

– Думал, на столе оставил, – пояснил он, прикуривая.

Охранник вежливо улыбнулся в ответ. Все, можно общаться. Никаких подозрений не возникнет.

– Да, затащили меня ребята на отдых, – задумчиво бросил Гуров в пространство. – Два дня теперь в голове б́ухать будет. Это все на любителя.

– Конечно, – подхватил охранник, – тут одна молодежь и тусуется. Им то что, их дело молодое. Нальются пива – и погнажи.

Пока горела сигарета, Гуров успел узнать, что происшествий тут практически не бывает. Выпивают, это конечно. Наркотиками не балуются, по крайней мере на этой почве

скандалов и происшествий не было. Драки иногда бывают, но не внутри, а снаружи. И давно уже их не было. Порезали кого-то? Да, было такое, не так давно, и как раз во время дежурства этого охранника. К кому-то из отдыхающих в клубе пришли друзья с улицы, кого-то зацепили, повздорили. Потом почему-то началась драка. Случайное событие. Не так, чтобы кто-то кого-то подкарауливал или выслеживал, чтобы счеты свести или за обиду какую отомстить. А вообще, клуб не сильно «крутой», потому и публика всякая бывает.

Около трех часов ночи Гуров уезжал с дикой головной болью и непониманием, почему сын небедного депутата Государственной думы пошел именно в этот клуб. Есть ведь места и гораздо престижнее. Балуйся он наркотиками или по другой криминальной причине, тогда понятно. Наверное, ответ тут один: друзья детства весьма скромного достатка, на солидный клуб не тянут. Вот и пошел Алексей Федоров с ними в эту дыру. Молодость, нет еще папиных амбиций...

Глава 4

С одной стороны, Главпочтамт – это хорошо. И расположен на пересечении двух центральных улиц с плотным движением автотранспорта и потока пешеходов. Да и внутрилюдно, как в улье. Но, с другой стороны, и «хвост» в таких условиях не заметить очень легко. Если только этот отставной майор уверен в его отсутствии. Но здравомыслящий человек, знакомый с оперативной работой, не будет назначать конспиративную встречу в людном месте, если уверен, что за ним не следят. Значит, не уверен. Эти мысли завертелись в голове у Гурова, как только ему пришло сообщение по электронной почте о встрече с частным детективом Федорова.

За пятнадцать минут до времени встречи Лев уже добросовестно стоял в длинной очереди плательщиков коммунальных услуг. Очередь была минут на сорок-пятьдесят. Можно стоять, лениво глазеть по сторонам скучающим взглядом и ничем не выделяться из вереницы таких же страдальцев. «Хвоста» за Гуровым не было, и это его радовало. Еще не хватало бы с первых же дней попасть под внимание преступников. Собственно, он такого внимания еще и не мог заслужить, но проверялся на всякий случай постоянно. Могла произойти и утечка информации на любом уровне: от окружения Федорова до присных Грибенникова.

Детектив появился секунда в секунду по настенным ча-

сам в зале. Коренастый мужчина лет тридцати пяти, коротко стриженный, в темной куртке спортивного покроя с большими карманами. Из одного из них торчала свернутая газета. Все как надо.

Гуров мгновенно обернулся к женщине за своей спиной и сказал, что на минуту отойдет. Пока детектив медленно двигался по залу и делал вид, что выискивает нужное ему окно, Лев прошел вплотную к нему, вышел на лестничную площадку и втерся в небольшую толпу у газетно-книжного лотка. Через распахнутые настежь огромные старинные двери он хорошо видел весь зал. По лестнице на второй этаж вереницей поднимались люди. Молодые и пожилые, мужчины и женщины. Ничего необычного, но каждый из них мог скрытно наблюдать за майором. Вот молодая пара вошла в зал, коротко остановилась у входа. Не обмолвившись ни словом, они разошлись в разные стороны. Девушка заняла позицию между двумя очередями, парень отошел к окну и уселся на подоконник.

Гурову это не понравилось. Его объект сидел на подоконнике через окно от парня и, достав из кармана газету, читал ее в сложенном пополам виде. Сейчас должен пройти сигнал, на тот случай, если в зале найдется еще один любитель почитать газету. Ведь Гуров не знал детектива в лицо и не имел его описания. Есть: покрутил газету в руках и бросил ее в урну. Достал из кармана другую, причем в кармане осталась еще и третья. Снова читает. Гуров отлепился от лотка

с книгами и прошел через весь зал к крайним окошкам. Нашел нужное, в которое может обратиться любой человек, — отправления «до востребования». Пока мужчина перед ним выяснял наличие своей почты, Гуров бросил взгляд в зал. Парень с девушкой переместились. Теперь она сидела у стола, на котором посетители заполняли различные бланки, а ее спутник стоял у неработающего окна. Очень это муровцу не нравилось. Глупо рисковать и идти на контакт. По договоренности, его объект должен сейчас выйти на улицу, пересечь перекресток и идти по улице Чапаева до небольшого книжного магазинчика в полуподвале. Там среди стеллажей с книгами и должен пройти сам контакт.

Гуров отошел от окна и двинулся к лестнице. Спустившись на первый этаж, перебежал улицу и встал за спинами пассажиров на автобусной остановке. Майор вышел минут через пять, постоял на перекрестке в ожидании зеленого света и вместе с другими пешеходами двинулся на другую сторону. Парень с девушкой появились следом, причем она пошла за майором, а он бросился на красный свет через другую улицу. Больше Гуров ждать не стал. Он сел в подъехавший автобус, спокойно проехал две остановки, вышел и растворился в вечернем городе.

Подозревать на сто процентов слежку за майором Гуров не мог. Здравый смысл противился такому скоропалительному выводу. Все увиденное могло быть чистейшим совпадением. Все до крайности напоминает слежку, но ею не яв-

ляется. Такое в практике Гурова уже бывало. Во-вторых, эти двое могли следить не за майором, будь он кем угодно. И, наконец, в-третьих, эта парочка могла быть запросто работниками милиции, которые пасутся в местах, где местных оперов задолбали карманные кражи. Место как раз для карманников; можно даже в сумку заглянуть, когда тетки достают свои документы, кошельки и прочее. И это три варианта, которые пришли в голову навскидку. Если поднатужиться, то можно придумать и еще несколько. Придумать можно, а рисковать не стоит.

Новый план созрел у сыщика довольно быстро. Вряд ли у преступников, если слежка исходит от них, есть суперквалифицированные кадры в этой области. Не очень квалифицированную слежку Гуров засечь в состоянии, просто нужны определенные условия. Вот их-то он и собирался создать. Самое главное для него на этом этапе было понять – наследил ли частный детектив, привлек ли к себе внимание, засветил ли свой интерес к «объекту». Отсюда Гурову, как говорится, и плясать. Если все чисто, то можно работать и на пару. Если нет... Тогда тысячу раз надо подумать, прежде чем сделать новый шаг. Причем подумать заранее.

Вернувшись в свою квартиру, Гуров, не переодеваясь, включил ноутбук. Новых сообщений не было. Он набрал свое письмо с коротким сообщением о возможной слежке за детективом и варианте другой встречи завтра. И еще задал вопрос о наличии хоть каких-то результатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.